

Политбюро ЦК ВКП(б)

93

К О П И Я
РАССЕКРЕЧЕНО
Секретно

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ

107

ТОВ. СТАЛИНУ.

От Марьямова И.Э.
(директора завода № 24).

Считаю своим долгом доложить Вам о следующем:
Сегодня утром в моей квартире произведен обыск и арестована моя жена Бессуднова Мария Федоровна. До 1930 г. она была женой работника НКВД Кацнельсона. Результаты обыска и мои объяснения изложены в записке, посланной мною т.Ежову и приложенной к настоящему письму.

Так как моя жена работала в Институте авиационных материалов и руководит работой жен ИТР на заводе № 24, то, повидимому, ее арест станет скоро широко известен.

К этому нужно еще прибавить три обстоятельства, которые меня выбивают из колеи и не позволят, - в случае, если мне не будет оказана крепкая поддержка - по-настоящему руководить заводом.

1-е обстоятельство. На Московской городской конференции, при выдвижении делегацией Сталинского района моей кандидатуры в горком, - представители Воен.Возд. Академии собирались сделать мне отвод за, якобы, антипартийное мое поведение в Академии в 1924-27 г.г. Об этом они сообщили секретарю райкома. Ввиду того, что времени для расследования не было, я, по совету секретаря райкома и т.Хрущева, выступил сам с предложением снять мою кандидатуру с обсуждения. Я мотивировал это дошедшими до меня сведениями об имеющихся,

якобы, в парторганизации В.В.Академии материалах, порочащих меня, как члена партии. Я тут же отвел эти слухи, как клеветнические. Я сообщил, что в Академии я был секретарем парткома и членом бюро ряда созывов, что я вышибал из Академии троцкистов и занимал самую непримиримую позицию к уклонам от линии партии. Но так как конференция не могла заняться расследованием этих фактов, я просил снять свою кандидатуру с обсуждения. Сейчас бюро райкома производит расследование и я не сомневаюсь в моей реабилитации, но осадок нехороший остался.

2-е обстоятельство. Я провел часть гражданской войны и период борьбы с бандитизмом на Украине в 1920, 1921 и 1922 г.г. в 1-м конном корпусе в качестве комиссара 1-го, 2-го и 4-го полков, комиссара штаба 8-й кав. дивизии. Там подвизались, ставшие предателями, Примаков, Туровский, Зюка, Шмидт и др. Я с ними никогда лично дружен не был и не пользовался их симпатиями, т.к. пришел из пехоты и не был коренным "червонным казаком". Во время борьбы с оппозицией наши пути полностью разошлись. Впоследствии, когда Примаков, втершись в доверие партии, был восстановлен в партии и работал на ответственной военной работе, я встречал его, Туровского, Демичева, Григорьева на с"ездах советов и партии и на нескольких вечеринках. У Примакова я был дома несколько раз в 1934-35 г.г. и он был у меня с женой 2 раза. Его же я видел в Берлине в 1933 г., проездом в Париж, когда Примаков учился там вместе с Левандовским, Урицким, Дубовым. Адрес его мне дал наш военный атташе в Германии т. Левичев.

3-е обстоятельство. На заводе № 24 с начала 1932 г. до середины 1933 г. работал в качестве парторга ЦК Ломинадзе. После его самоубийства на Магнитке и выяснения его предательской роли в партии, - на заводе взята под сомнение большая группа людей. Часть этих людей исключена из партии, в отношении многих ведется расследование. В частности исключены из партии Нач. производства Судаков, Нач. Технического отдела Степаньян и взят под сомнение технический директор завода т. Колосов, находящийся сейчас во Франции. Я, شوкуда, вне подозрений по части связи с Ломинадзе (насколько мне, по крайней мере, известно). Отдельных лиц я брал под защиту и никого из руководящих работников с работы не снял.

Все изложенное, тов. Сталин, поставило меня в тяжелое положение. Сейчас, больше чем когда либо, нужно твердое и авторитетное руководство на заводе, т.к. дисциплина за последние месяцы расшаталась, а задачи, на нас возложенные (в особенности в связи с внедрением на заводе мотора Рай-Циклон "Джи"), неизмеримо выросли и усложнились.

Вот почему я решил обратиться к Вам за поддержкой. При этом я, конечно, понимаю, что не могу рассчитывать на полное доверие к тому, что излагаю, но прошу поручить, по возможности быстрее, расследовать все.

Я всю свою сознательную жизнь работаю в партии и на дело нашей партии. Никогда у меня не было никаких колебаний от линии партии. Меня с юности знает хорошо секретарь Днепропетровского обкома т. Марголин. В 1919 г. я по поручению ЦК Украины был переброшен через фронт и работал в украинском

подполье. С 1920 по 1923 г. я был в 8-й кавалерийской дивизии и по этому периоду меня хорошо знают старые, ничем не запятнанные члены партии Генде-Роте, Церин и многие другие. С 1924 г. по 1937 г. я работаю в Московской организации и в период острой борьбы был в В.В.Академии одним из самых непримиримых врагов троцкистских и правых группировок. Это могут подтвердить сотни людей и в том числе т.т. Побережский, Харламов, Беляевский, Рогов, Ганулич, Беляйкин и др.

Если мне будет оказано доверие и помощь, я отдам все силы на успешное разрешение сложных задач, поставленных перед заводом № 24, или на любом другом участке, куда меня поставит партия.

ПРИЛОЖЕНИЕ: записка к т.Ежову.

И. МАРЬЯМОВ.

17.У1.37г.

В Н.К.В.Д. тов. ЕЖОВУ.

От И.Э.Марьямова
(директора завода № 24).

Сегодня утром арестована моя жена БЕССУДНОВА М.Ф. Перед арестом был произведен личный обыск жены и всей квартиры. Часть вещей была описана и оставлена в квартире под мою расписку (согласно приложенного перечня).

Комиссар НКВД из"ял из квартиры следующее:

1. Три револьвера (один браунинг, один маузер № 3 и один маузер № 1) и патроны.
2. Около десятка книг Троцкого, Радека, Преображенского и полное собрание сочинений Плеханова.
3. Валюту - 240 долларов, 7 англ. фунтов и 100 фр. франков.
4. Личные письма, разную переписку, фотографии, блокноты.

Револьвер системы "Браунинг" с именной надписью подарен мне Управлением Военно-Возд. Сил в 1934 г., 2 маузера (большого и малого размеров) остались у меня еще со времен гражданской войны и были записаны в моем военном удостоверении личности. После моего перевода из кадров РККА в запас (в начале 1937г.), я намеревался сдать два револьвера и испросить разрешение на именной револьвер. Я об этом заявил Н-ку Секр.отдела завода, получил специальный бланк для заполнения, но так и не собрался оформить это в НКВД, что является моей серьезной ошибкой. Около десятка книг троцкистской литературы лежали в моей библиотеке и мною не были обнаружены, т.к. из-за отсутствия книжных шкафов, они лежали в закрытых ящиках стола.

Валюта (около 280 долларов), взятая у меня, это - остаток сумм от представительских, выданных мне при поездке за границу, в которых я еще не отчитывался, ввиду поездного приезда моего заместителя по комиссии, ведшего все денежные дела.

По некоторым вопросам, которые были заданы при аресте жены, я мог понять, что это, повидимому, связано с ее бывшим мужем - работником НКВД Кацнельсоном З.Б. Кацнельсон разошелся с Бессудновой М.Ф. в 1930 г. и через некоторое время она стала моей женой.

Описанную при обыске мебель и несколько десятков антикварных вещей (преимущественно посуда и статуэтки), я застал в квартире, которую ранее занимал Кацнельсон, при переезде к жене. После того, как Бессуднова М.Ф. стала моей женой, Кацнельсон у нас в квартире никогда не бывал и с ним я лично не встречался и ни разу не говорил.

О жене я должен честно заявить следующее: я к ней относился хорошо, любил и уважал как товарища и работника. Впечатление скромного человека она производила также на всех моих товарищей, знавших ее. До ареста я считал основным ее грехом, что она не могла отрешиться от антикварной мишуры, приобретенной ее бывшим мужем Кацнельсоном, а также от посещений ее старых знакомых (семья Пятигорских, Нюся Аркус, Острогорский), к которым я относился весьма недружелюбно. Перед переездом на новую квартиру я настаивал на оставлении части ненужной нам мебели и антикварного хлама и несколько раз возвращался к этому впоследствии. Но жена не хотела расставаться с этим добром, а я

- 3 -

не придавал этому поступку того значения, которого он заслуживает.

Я настоящим заявлением, написанным под свежим впечатлением, не исчерпал всех сведений, которые нужны в связи с обыском и арестом. Я готов дать любой материал, который может помочь до конца разоблачить врагов, если даже и таковым оказалась моя жена.

И. МАРЬЯМОВ.

П.С. Ввиду того, что произведением² обыск и арест накладывают известную тень на меня, а в то же время мне доверено руководство крупнейшим авиационным заводом, - я считаю необходимым сообщить об этом в ЦК партии т. Сталину для соответствующих решений.

И. Марьямов.

17.У1.37г.

О П И С Ь

~~97~~

вещей антикварных, находящихся в квартире БЕССУДНОВОЙ М.Ф. проживающей по Патриаршему пер. д. № 8, кв. 61.

1. Шкафик книжный с инкрустациями..... 1 шт.
2. Стол карельской березы..... 1 "
3. Тумбочка " " 1 "
4. Часы столовые б/размера (старого образца)
5. Бронзовых статуэток..... 8 шт.
6. Бинокль перламутровый.....
7. Чайные чашки позолоченные разн.образца... 12 шт.
8. Блюдцев позолоченных старинных..... 10 "
9. Чайник с чашкой и выделанными цветами
10. Тарелок позолоченных..... 9 шт.
11. Розеток с позолочен.краями..... 4 "
12. Чашка большая с позолотой..... 1 "
13. Серебряный ковш..... 1 "
14. Ваза для цветов с тарелкой и крышкой.....
15. Блюда большие с позолотой..... 2 шт.
16. Гарнитур: нож, вилка и лопаточка
17. Картин четыре (с позолот.рамками - 2)
18. Сумочка металлическая
19. Скульптура из глины под стеклян.колпаком.. 1 шт.

Со слов гр.Бессудновой вышеперечисленные вещи приобретались ее бывшим мужем Кацнельсоном, но где - она не знает.

- ПРИМЕЧАНИЕ: 1) Двухствольное 12 калибр.ружье..... 1 шт.
 2) Духовое ружье "Диана"..... 1 "
 к нему одна коробка патронов.

Перечисленные выше вещи принял на хранение муж Бессудновой - Марьямов И.Э.

17.У1.37г.

И.МАРЬЯМОВ